

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ GENDER HISTORY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 121—135.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 121—135.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.9

МЕДИАТОРЫ КУЛЬТУРЫ: О ГЕНДЕРНОЙ ОСОБЕННОСТИ СТАТУСНЫХ РОЛЕЙ ЖЕНЩИН НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТИРЕ

Абидат Абдулаевна Газиева

Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр, Российская академия наук,
г. Махачкала, Россия, gazieva.abidat@mail.ru

Аннотация. С точки зрения теории фронта в статье рассматривается гендерная особенность трансляции культуры, социально-экономический статус и место женщины в обществе на кавказском пограничье. Показано, что в ходе становления кавказской фронтальной линии произошла трансформация гендерного статуса женщины. Это способствовало появлению множества ее новых социальных ролей. Статусные роли женщины, общие и частные, были обусловлены социально-экономическим развитием региона, боевыми действиями во время Кавказской войны, а также своеобразием ментальной культуры народов. Делается вывод о том, что значение женщины в обществе в указанный период существенно возросло: она стала выполнять роль медиатора культуры, транслятора культурных ценностей, что способствовало развитию межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: гендер, кавказский фронт, женщина, аккультурация, трансляция культуры, статусные роли

Для цитирования: Газиева А. А. Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронтире // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 121—135.

Original article

**MEDIATORS OF CULTURE:
ABOUT GENDER FEATURES OF THE STATUS ROLES
OF WOMEN ON THE CAUCASIAN FRONTIER**

Abidat A. Gazieva

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation, gazieva.abidat@mail.ru

Abstract. The article examines the gender specificity of the transmission of culture, socio-economic status, and the place of women in public perception in the Caucasus in accordance with the theory of the frontier. The study reveals many status social roles of women on the Caucasian frontier. In the course of the formation of the frontier area, a transformation of the gender status of women took place, which contributed to the emergence of the possibility of many of her status roles, the emergence of new ones and the transformation of existing ones. The status roles of women on the Caucasian frontier, general and private, were determined by the socio-economic development of the region, the hostilities of the Caucasian War, as well as the originality of the mental culture. Due to the fact that the importance of women in society has increased significantly, women began to play the role of a mediator, a translator of cultural values, which contributed to the formation of intercultural communication and dialogue.

Key words: gender, Caucasian frontier, woman, acculturation, translation of culture, status roles

For citation: Gazieva, A. A. (2021) Mediatory kul'tury: o gendernoĭ osobennosti statusnykh roleĭ zhenshchin na kavkazskom frontire [Mediators of culture: about gender features of the status roles of women on the Caucasian frontier], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 121—135.

В современной исторической науке серьезные позиции занимает возникшая в конце XIX в. теория фронта. Основателем данной теории является американский историк Ф. Дж. Тёрнер. Позднее разработанная им региональная теория переросла в глобальную, применимую ко всем территориям, где проходил процесс колонизации. Теорию следует считать глобальной в связи с тем, что фронтальные проявления однотипны, так как «процесс освоения был одинаков на фронтальной территории» [Тёрнер, 2009: 14], данные проявления были характерны для всех стран, расширявших свои государственные границы путем освоения новых земель.

Под американским фронтом Ф. Дж. Тёрнер понимал «внешний край волны — место контакта дикости и цивилизации» [там же]. Понятие «фронт» имеет разные интерпретации, стоит отметить, что сам ученый говорил об «эластичности предложенного им термина» (см.: [Олейников]).

Кавказский фронт не следует характеризовать с позиции Тёрнера. Явление кавказской контактной зоны рассматривается нами как столкновение разных

цивилизаций, участвующих в процессе аккультурации в ходе совместного исторического развития. Отличительной чертой кавказского фронта является его уникальность, многогранность этноконфессионального развития (в силу поликонфессиональности и межнационального характера региона). По утверждению Тёрнера, «фронт — это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации» [Тёрнер, 2009: 15]. Данное высказывание не применимо к кавказскому пограничью, так как на нем оформился своеобразный, отличный от российского и чисто горского тип культуры. Американский фронт в тёрнеровском понимании — «крайняя черта заселенности, а не политический рубеж» [там же]. В данном отношении кавказская контактная зона — это в первую очередь военно-политический рубеж, который впоследствии стал обживаться в результате гражданской колонизации края: строительства станиц, деревень близ кордонной линии.

Сегодня фронтальные зоны рассматриваются не как граница между «своими» и «чужими», а как территория межкультурной коммуникации, где осуществляется аккультурация. Под влиянием полиэтничного и поликонфессионального взаимодействия происходила трансформация компонентов культурного пространства кавказского региона. Двусторонняя коммуникация и аккультурация привели к появлению нового типа поведенческо-мировоззренческой культуры.

В нашем исследовании под фронтиром понимается историко-географический, культурный ландшафт, на котором в ходе исторического процесса оформилась новая модель взаимоотношений между народами, наладилась межкультурная коммуникация. В теории фронта можно выделить много граней ее проявлений: экономические, административно-правовые, культурно-бытовые. В каждом регионе они имеют свои особенности. В статье рассматриваются разнохарактерные роли, которые выполняла женщина на кавказском пограничье, а также историческая необходимость и обусловленность изменения ее статусных ролей с точки зрения социально-половой асимметрии. Интерес представляет вопрос, вытекающий из основной темы исследования. Это вопрос о том, были ли изменения, произошедшие в статусных ролях женщины, долгосрочной исторической практикой, вызванной совокупностью социально-экономических предпосылок, либо разовым явлением, обусловленным боевыми действиями в период Кавказской войны.

Изучение гендерных ролей женщины в контексте теории фронта рассматривается нами как перспективное. Его актуальность обусловлена тем, что при столкновении разных, отчасти противоположных культурных цивилизаций в кавказской контактной зоне у женщин, как переселенок, так и горянок, появилась возможность реализовать новые социальные роли в бытовой, экономической, военной, культурной практиках. С возникновением фронта, который выступил катализатором многих процессов на Кавказе, женщина стала медиатором культуры, инициатором экономических контактов, демонстрируя новые возможности кавказского пограничья. Еще одним аргументом в пользу рассмотрения гендерных ролей женщин на Кавказе с точки зрения теории фронта послужило то, что в исследуемый исторический период вследствие ухода мужчин

на войну на плечи женщин легло больше обязанностей, которые способствовали возникновению множества ее новых статусных ролей.

Развернутое научное определение теории фронта было дано Ф. Дж. Тёрнером в 1920 г., хотя сам термин был введен в 1893 г. В тёрнеровском понимании теория являлась региональной, применимой только к истории США. Унификация теории произошла в 1951 г., когда У. П. Уэбб ввел термин «великий фронт» и адаптировал тёрнеровскую теорию к другим странам в своем труде «Великий фронт» [Webb, 1964]. Теория стала универсальной и приобрела популярность в научной среде при исследовании колониальных процессов в истории разных регионов. У. П. Уэбб рассматривал фронт как зону контактов цивилизаций в различных сферах (военной, экономической, культурной).

В отечественной истории теория фронта стала применяться с 60-х гг. XX в. и нашла много сторонников. Российские исследователи в соответствии с данной теорией рассматривали историю колонизации разных регионов государства. Огромный интерес представляют исследования, посвященные изучению кавказской контактной зоны. Стоит подчеркнуть, что кавказский фронт следует определять как великий, так как он являлся связующим звеном между разными цивилизациями (европейской и восточной).

М. Т. Барретт, занимающийся изучением кавказского фронта, определяет его как зону межкультурной коммуникации, а не военную границу поселений [Барретт, 2000]. Лейтмотивом его исследования является то, что кавказское пограничье — это зона аккумуляции, цивилизационного обмена. Аналогичную идею высказывает и американский ученый М. Ходарковский, который определяет кавказскую контактную зону как территорию культурного диалога (см.: [Зеленева, 2005]). Отдельные аспекты фронтальной теории относительно Кавказа исследуют М. А. Рыблова и С. М. Маркедонов [Рыблова, 2009; Маркедонов, 2005].

Не все исследователи признают существование кавказского фронта. Э. А. Шеуджен отрицает наличие фронтальной зоны на Кавказе [Шеуджен, 2006]. Она трактует фронт в тёрнеровском понимании — как соприкосновение «цивилизации и дикости», а Кавказ, по ее мнению, в изучаемый период представлял собой цивилизацию, его нельзя рассматривать как зону «дикости».

Женская повседневность, женская история стали частью рожденного в 1970-х гг. нового направления женских и гендерных исследований социального прошлого [Пушкарева, 1998]. Весомый вклад в изучение темы гендерных ролей женщины в Дагестане внесла О. С. Мутиева [Мутиева, 2015, 2017, 2019, 2020]. В исторической ретроспективе она рассмотрела роль дагестанских женщин в период Кавказской войны. Ее исследования посвящены всестороннему анализу экономической функции женщин, трансформации традиционных нравственно-этических норм их поведения, военно-политической функции. Системное исследование многочисленных вопросов, анализ теоретико-методологической базы позволили ей всесторонне изучить место и роль женщины-дагестанки в период боевых действий Кавказской войны.

В нашей статье несколько иной ракурс постановки исследовательской проблемы. Мы рассматриваем гендерные роли и положение женщин — горянок

и казачек — в контексте теории фронта (контактных зон). География нашего исследования охватывает территорию Кавказской кордонной линии, зоны пограничья между Россией и горскими народами.

В связи с постановкой гендерной проблемы интерес представляют работы исследовательницы фронта О. С. Якушенковой [Якушенкова, 2009, 2013]. Она рассматривает роль женщины на американском фронтире, изучает вопросы о ее статусных ролях, правовом положении, участии в процессе аккультурации. Значимый вклад в исследование гендерных особенностей на сибирском фронтире внес Ю. М. Гончаров, работы которого способствуют формированию представлений об общем и частном в статусных ролях женщин в разных фронтальных зонах Российской империи (см., напр.: [Гончаров, 2002]).

Тематика гендерной специфики является относительно новой для отечественных историков, она изучается с 70-х гг. XX в. С этой точки зрения тема кавказского фронта остается пока не исследованной.

В указанный период Кавказ представлял собой многонациональную территорию, на которой происходили активные процессы межкультурного диалога. С появлением здесь первых фронтмэнов начинается создание ландшафтно-исторической базы фронта. Аналогичная ситуация происходила на американском пограничье, где постепенно осваивались земли Дикого Запада. Тема гендерной специфики кавказской контактной зоны малоисследована, так как сам фронт рассматривается как чисто «мужское» явление. Данное восприятие не отображает реальной исторической картины: женщина была неотъемлемой частью фронта, носителем и транслятором культуры, норм, активным участником экономической жизни региона.

Кавказскому пограничью, как и американскому, была свойственна гендерная трансформация социальных ролей [Якушенкова, 2009]. Подобная функциональная особенность являлась следствием того, что мужчины, которые были заняты войной, практически не участвовали в хозяйственной жизни. Это повлекло за собой изменение гендерных ролей.

В соответствии с периодизацией истории развития фронта в ней следует выделить три последовательно сменяющие друг друга стадии — ранний фронт, собственно фронт, постфронт. Для кавказского фронта характерна и четвертая стадия — рефронт [Романова, Якушенков, 2012]. Следует отметить, что на всех трех стадиях развития контактных зон трансформация прямым образом касалась женского населения. Для периода предфронта на Кавказе (XVI—XVIII вв.) гендерный вопрос (о роли и значении женщины) не был актуальным в той мере, в какой он назрел в XIX в. Влияние суровых условий фронта отражалось не только на мужчинах — казаках и горцах, но и на женской половине населения. Элементы культурного мира женщин фронта трансформировались, что влекло за собой изменение их статусных ролей, появление новых социальных функций. Сегодня, когда в связи с реорганизацией и реформированием общественно-культурных отношений женщина расширила свои статусные роли, тематика исследования истории женщин в целом весьма актуальна.

Для кавказского фронта характерно наличие двух групп женщин — горняков и переселенок. Может показаться, что у женщины на фронтире в связи

с патриархальным укладом общественных отношений не было значимых социальных ролей, кроме хранительницы очага, но это только на первый взгляд. Окраинная территория со своей особенной атмосферой способствовала формированию различных ролей женщин — от поведенческо-культурной до экономической и военно-политической. Они были вынуждены выполнять многочисленные социальные функции — от медиатора материально-бытовой культуры до воительницы и осведомительницы [Толстой, 2006; Мутиева, 2006; Цыбулькинова, 2008].

На фронтире происходил процесс аккультурации, что привело к изменению вестиментарной культуры женщин, так как они в целом более восприимчивы к разным изменениям, а контактные зоны были благоприятной подвижной средой для подобных трансформаций.

Положение женщины в обществе, ее социальные функции зависели от характера культуры народа региона. На кавказском фронтире женщина играла весьма важную роль, но в целом ее значение было существенно занижено [Очерк о кавказских горских племенах... , 1855]. Это связано с культурно-идеологическими установками общества. Несмотря на то что женщина была погружена в мир семьи (это было свойственно и женщинам других пограничных зон Российской империи, к примеру Сибири [Гончаров, 2002]), она все же влияла на общественную жизнь как напрямую, так и косвенно, взаимодействуя с разными общественными институтами [Мутиева, 2006].

В XVI в. (период раннего фронта), когда на Кавказе появились первые казаки [Потто, 1899], между ними и их ближайшими соседями устанавливались самые добрососедские отношения [Караулов, 1912]. При первом соприкосновении разных, чуждых друг другу культур стали налаживаться матримониальные связи. Они возникли вследствие демографической необходимости и способствовали налаживанию межкультурной коммуникации. Как отмечает Ф. А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке в первое время своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [Щербина, 1910: 30]. Аналогичную картину описывает военный историк генерал-лейтенант И. Д. Попко: «...казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами... от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных» [Попко, 1880: 24]. В горских аулах «казачка нередко... встречалась и в качестве жены того или иного горца — казачьего кунака» [История народов Северного Кавказа... , 1988: 89]. Так, по сведениям И. В. Бентковского, в Гребенском полку к 1854 г. казачье население составляло 5757 мужчин и 5916 женщин разных национальностей [Бентковский, 1889: 60]. Так как казачество является субэтносом, образ казачки содержит в себе внешние черты, присущие разным национальностям: «Соедините красоту и обаяние русской женщины с красотой черкешенки, турчанки и татарки, да если прибавить бесстрашие амазонок, — перед вами портрет истинной казачки» [Бутова, 1889: 51].

Обычно казачки попадали в горы вследствие похищения еще в детском возрасте или умыкания в юности. Многие из них даже при появлении возможности вернуться, предпочитали остаться [Матвеев, 2002]. Это было связано с тем, что, вырастая, они привыкали к горской среде, обзаводились семьями,

не воспринимали горцев как «чужих», их культура становилась для казачек родной и понятной. Межэтнические браки в своей перспективе служили залогом межэтнической коммуникации народов [Мутиева, 2015, 2017].

Горянка, вступая в брак с казаком, полностью подчинялась традициям, господствовавшим в станице. Причиной брака обычно было пленение горянки: «Во время нескольких удачных экспедиций многие женщины и девушки из числа горных жителей попали в руки русских. Ермолов распределил их для вступления в брак между молодыми линейными казаками, и с тех пор можно заметить людей с кавказским типом наружности между молодыми воинами этих войсковых корпусов. Иной обыкновенный казак, таким образом, оказывается сродни знаменитейшим главарям горцев и даже турецкому паше» [Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН]. Реже брак заключался по договору с родителями горянки о выплате достойного калыма, который был велик, не все имели такие финансовые возможности [Паллас, 1999].

Казачки и горянки в силу разного рода обстоятельств были вынуждены вступать в брак с представителями различных этносов. В результате подобных браков женщина переходила в конфессию супруга, но сохраняла свою культурную идентичность. Подобная ситуация наблюдалась и на других фронтальных территориях, например на нижеволжском фронтире [Расина, 2017: 23]. В таких случаях женщина была проводником культуры своего народа, способствовала аккультурационным процессам, а также становлению особого фенотипа человека, свойственного кавказскому фронтиру.

Специфической чертой культуры кавказской контактной зоны было то, что в результате матримониальных связей в ней не произошло формирования субэтносов в отличие от других пограничных культур России, например нижеволжской [Расина, 2017]. Дети от межэтнических браков полностью ассоциировали себя с этносом отца, перенимая культурные особенности, свойственные этносу матери. Женщина привносила в новую для нее иноэтническую среду элементы своей культуры — особенности одежды, культуры питания, обычаи [Мутиева, 2006; Описание гребенских казаков... , 1958]. Она выполняла роль транслятора культуры. Наиболее восприимчивы к этой трансляции были женщины-сельчанки и дети, которые воспитывались в межэтнических семьях.

Заимствование культурных и поведенческих особенностей в первую очередь проявлялось в бытовом укладе жизни женщин на фронтире. Как пишет О. С. Мутиева, «в условиях социально-экономического кризиса, вызванного Кавказской войной, существенным образом трансформировалось содержание каждодневного женского труда» [Мутиева, 2020: 52]. Следует отметить, что в хозяйственном и бытовом отношении женщина выполняла большое количество различных функций — занималась приготовлением пищи, содержала в чистоте дом, растила детей, трудилась в поле, заготавливала на зиму необходимые запасы, занималась разного рода мелкими работами по дому [Дневник русского солдата... , 1848].

Женщины активно реализовывали себя в экономической сфере. В долевым отношении женщина-казачка играла более значимую роль в ведении хозяйства и экономической жизни семьи. Вследствие того что хозяйство носило натуральный характер, она была вынуждена заниматься и ремесленными работами.

Во время отсутствия мужа женщина-казачка являлась главой семьи, так как все экономические функции были возложены на нее. Подобная ситуация была характерна и для сибирского фронта. Как указывает Ю. М. Гончаров, «в случае смерти хозяина вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции, на нее записывалось хозяйство» [Гончаров, 2002]. «Своею хозяйственностью, — пишет Е. Д. Максимов, — гребенцы в значительной мере обязаны женам-туземкам, вносившим и поддерживающим земледельческие занятия у казаков» [Максимов, 1893: 15]. Близкое знакомство с культурой горцев раздвигало рамки представлений о народах Кавказа, помогало становлению экономических контактов, межкультурного диалога в последующий период.

Постепенное развитие торговли способствовало унификации бытовой обстановки. Благодаря меновой торговле в быт казачек поступали товары горского происхождения, что значительно расширяло представления о культуре соседних народов. Со временем изменялась обстановка и внутреннее убранство жилища за счет притока покупных предметов фабричного изготовления (столы, шкафы, сундуки и т. д.). Увеличивалось количество привозной домашней утвари. Железная, медная, стеклянная и фаянсовая посуда постепенно проникала и в другие районы [История народов Северного Кавказа... , 1988]. Вместе с изменениями в материальной культуре наблюдались изменения в языке. Появились такие новые слова, как «биричка» (бричка), «стол», «чай», «ведар» (ведро), «курушка» (кружка), «бошка» (бочка), «сажа» (сажень), и др. [Вехи единства... , 1982]. Происходил процесс социопсихологического приспособления к новым условиям, за счет чего трансформировались жизненный уклад и культура народов Кавказа. В результате поликультурного взаимодействия изменялась повседневная хозяйственно-бытовая жизнь населения Дагестана [Мутиева, 2019].

Развитие торговли и межнациональной коммуникации способствовало тому, что произошла трансформация декоративных элементов и кроя женского костюма. Так, например, в одежде терских казачек, появился такой элемент русской культуры, как «стеганый бурлетный сарафан с большими петлями (по старине), с короткими рукавами по локоть» [Описание гребенских казаков... , 1958]. Из костюмов горянок терские казачки переняли длинные платья до пола, различные украшения из золота и серебра. Несмотря на локальную специфику, женский национальный костюм на фронтире, а именно его покрой и фасон, со временем унифицировался, сохранив лишь особенности декоративной отделки.

Благодаря тому что женщины на кавказском пограничье выступали медиаторами культуры, участвовали в межкультурной коммуникации, они способствовали развитию процесса энкультурации — вхождения индивидов в конкретную форму культуры.

Как на американском, так и на кавказском фронтире женщина выполняла новую для себя роль — роль воительницы. Хотя для кавказского фронта в целом это было несвойственно в силу этноконфессиональных особенностей населения региона.

Женщины, как горянки, так и казачки, принимали активное участие в сражениях. Так, горянки участвовали в битвах при Ахульго, Дарго, Ведено, Гунибе, защищая аулы [Участие горянок в Кавказской войне, 2018]. В истории региона периода Кавказской войны есть пример того, как горянка стала предводительницей

в бою, политическим лидером. Речь идет о правительнице Хунзаха Паху-Бике. Хунзах был пророссийским ханством и подвергался нападениям со стороны немирных горцев. Когда в 1830 г. на Хунзах напали их отряды под предводительством Шамиля и Кази-Муллы, вдова правителя Хунзаха Паху-Бике с саблей в руках кинула местным защитникам-горцам: «Если вы испугались, дайте нам, женщинам, ваши мечи и спрячьтесь за нашими юбками!» (см.: [Бланч, 1991: 9]). Подобный случай был единичным, но условия фронта, боевые действия на нем способствовали осознанию места женщины в обществе.

Военный историк Л. А. Богуславский описал действия горянок во время битвы, множество выполняемых ими функций, каждая из которых была направлена на поднятие боевого духа горцев: «...одни из них, переодетые в мужскую одежду, принимали самое деятельное участие в битве; другие же, чтобы воодушевить своих мужей и родственников, выводили маленьких детей под самый сильный огонь и тем удерживали более робких от желания бежать» [Богуславский, 1892: 507]. Женщины помогали раненым, перевязывали их, носили для них воду [Хроника... , 1998], во время битвы обваривали врагов кипятком, стреляли из пистолетов [Очерки истории Кубани, 1996]. О. С. Мутиева отмечает, что «при осаде аулов в местах, где проходили военные сражения, женщины, рисковали быть убитыми во время похода к роднику, так как это место обстреливалось со всех сторон» [Мутиева, 2020: 56].

На кавказском фронтире женщины выполняли и роль осведомительниц, предупреждая о возможном нападении [Цыбульникова, 2008]. В случае нападения на станицу казачки, как и горянки, всячески пытались принимать участие в обороне, они выполняли те же самые роли, что и горянки, — выступали в качестве воительниц.

Женщин кавказской контактной зоны можно сравнить с Покахонтас на американском фронтире: они «как амазонки сражались в боях наравне с мужчинами» [Казиев, 2001: 143], «бросались в бой с пистолетами и кинжалами», не жалея собственной жизни [Романовский, 1860: 236], предпочитали смерть пленению. Женщины-горянки Хутай из Ороты, Халунмеседо, Гумай, Париханилэбел известны в истории Кавказской войны как отважные воительницы [Участие горянок в Кавказской войне]. Даже имам Шамиль, вспоминая о воительницах-горянках, по окончании войны констатировал: «Если бы был у меня полк таких амазонок, Гуниб не пал бы» (цит. по: [Бланч, 1991: 99]).

Боевые действия Кавказской войны, с одной стороны, осложняли и без того трудное социально-экономическое положение женщины. Но с другой стороны, перед ней открывались возможности повышения своего социального статуса, использования собственного потенциала, применения своих навыков и умений, проявления особенностей ментальности, которое до этого времени было запрещено. Война со всеми своими ужасами продемонстрировала мужскому населению фронтальной зоны, что женщина обладает большим потенциалом, способна к решению трудных задач в самых различных жизненных обстоятельствах. Стоит отметить, что такие возможности для женщин кавказской окраинной зоны были краткосрочными (период войны), но они явились первой ступенью

к дальнейшим изменениям в восприятии межнациональной коммуникации, места женщины в данном процессе и ее самовосприятии.

Говоря о положении женщин, стоит отметить, что в отличие от множества других контактных ландшафтно-исторических территорий (как зарубежных, так и российских), где права женщин не были закреплены на законодательном уровне [Якушенкова, 2009], на кавказском пограничье они имели ряд гарантий от произвола мужчин, которые существовали как на законодательном уровне, так и в нормах обычного права. Например, «есаул Дарнин был осужден за нанесение казачке Самсонниковой побоев» [Извлечение из приказов... , 1858].

Женщина в кавказской контактной зоне имела особый статус, отличавшийся от статуса в других фронтальных регионах. И. Бларамберг, описывая народы Кавказа, говорит «об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» [Бларамберг, 2005: 163]. Если мужчина, которого преследовали враги, укрывался в помещении женщин или дотрагивался до какой-нибудь женщины, он становился неприкосновенным, так как никакая ссора и тем более убийство не могли быть совершены в их присутствии [там же].

Однако, несмотря на почет, которым женщина пользовалась в обществе, ее положение оставалось подчиненным, что было связано с ментальной культурой народов региона. Так, в селении Шамгода Гунибского района после Кавказской войны женщин, не желавших вступать в брак (по разным причинам), сажали в глубокую яму на окраине села, до того момента, пока они не давали согласия (полевой материал, собранный П. Газиевой; с. Шамгода, 2014 г.). Женщина на фронтире, с одной стороны, была защищена законодательно и нормами обычного права (адатом), но с другой — поставлена в жесткие рамки того же самого обычного права, которые она не могла переступить.

Кавказский фронт — уникальное историко-географическое явление. Он имеет ряд черт, отличных от американского, что обусловлено этноконфессиональной спецификой населения края. Культурный диалог, возникший на территории, впоследствии обусловил изменение самосознания женщин, их восприятия общества и своего значения в нем. Множество ролей, которые выполняла женщина на фронтире, способствовали укреплению ее места в обществе.

В процессе межкультурной коммуникации женщины выступали медиаторами культурных особенностей, привнося элементы своей культуры в иноэтническую среду, а также трансляторами возможности сосуществования на основе мирного взаимодействия.

Кавказский фронт предоставил женщинам возможность апробации различных социальных ролей не только в области культурного влияния, но и в социально-экономической сфере, политически важной и значимой. Война, как деструктивный фактор, не позволила женщине оставаться в своей социальной нише. Она была вынуждена совмещать с уже имеющимися социальными ролями новые, которые расширили круг ее мировоззренческих границ и возможностей.

Женщина на Кавказском фронтире имплицитно, несмотря на жестокость войны, тяжесть своего социально-бытового положения, была настроена на установление мира, преодоление антагонизма сторон за счет выравнивания культурно-цивилизационных асимметрий.

Список источников

- Барретт М. Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара: Самар. гос. ун-т, 2000. С. 163—194.
- Бентковский И. В. Гребенцы: историческое исследование. 2-е изд. М.: Рус. типо-лит., 1889. 39 с.
- Бланч Л. Сабли рая. Махачкала: Юпитер, 1991. 140 с.
- Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Надыршин, 2010. 432 с.
- Богуславский Л. А. История Апшеронского полка, 1700—1892 гг. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1892. Т. 1. 520, [6], VI, XX с.
- Бутова Е. Станица Бороздиновская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Упр. Кавказ. учеб. окр., 1889. Вып. 7. С. 3—156.
- Веки единства: к 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. 165 с.
- Гончаров Ю. М. Женщины фронта: образ сибирячки в региональном социуме середины XIX — начала XX в. 2002. URL: <https://zaimka.ru/goncharov-siberians/> (дата обращения: 24.05.2021).
- Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. 1848. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Beljaev_S/text1.htm (дата обращения: 27.04.2021).
- Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России XVIII — первой половины XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 270 с.
- Извлечение из приказов по Кавказской армии. 1858. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/VS/1858_07.htm (дата обращения: 03.04.2021).
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 год) / отв. ред. А. А. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
- Казиев Ш. М. Имам Шамиль. М.: Мол. гвардия, 2001. 378 с.
- Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. XVIII, 384 с.
- Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Владикавказ: Терский обл. стат. ком., 1893. Вып. 3, кн. 2. С. 3—100.
- Маркедонов С. Южный Кавказ: многоугольник интересов // Агентство политических новостей. 2005. URL: <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm> (дата обращения: 14.10.2020).
- Матвеев О. В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях казаков. Краснодар, 2002. 120 с.
- Мутиева О. С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX — начале XX в. Махачкала: Даг. гос. ун-т, 2006. 171 с.
- Мутиева О. С. Жена-горянка как фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе // Контакты и взаимодействия культур: сборник материалов XI Конгресса антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2—5 июля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 297—298.
- Мутиева О. С. Межнациональные браки как форма межэтнической коммуникации в период Кавказской войны // Этнография семьи и пола в XXI веке: традиции, современные реалии, оппозиция Свой/Другой: сборник материалов XII Конгресса антропологов и этнологов России (г. Ижевск, 3—6 июля 2017 г.). Ижевск, 2017. С. 278.
- Мутиева О. С. Изменения повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов, вторая половина XIX в. // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Грозный, 19 октября 2019 г.). Грозный, 2019. С. 304—310.

- Мутиева О. С.* Повседневная жизнь дагестанской женщины в контексте Кавказской войны и социокультурных перемен XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 467 с.
Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН (Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Ф. 1. Оп. 1 Д. 129. Л. 5.
- Олейников Д. И.* Фронт и колонизация. URL: <https://refdb.ru/look/1734838.html> (дата обращения: 12.05.2020).
- Описание гребенских казаков XVIII в. 1958. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Opis_grebenskich_kazakov/text.htm (дата обращения: 15.07.2020).
- Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. 1855. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Svecov_V/text2.htm (дата обращения: 20.04.2021).
- Очерки истории Кубани. Краснодар: Сов. Кубань, 1996. 654 с.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах / отв. ред. Б. В. Левшин; сост. Н. К. Ткачева. М.: Наука, 1999. 246 с.
- Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. Вып. 1. 517 с.
- Потто А. В.* Кавказская война. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. 1899. URL: <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/11.html> (дата обращения: 20.04.2021).
- Пушкарева Н. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. М.: РОССПЭН, 1997. С. 69—95.
- Расина Э. О.* Женщина на нижневолжском фронтире // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 3. С. 21—31.
- Романова А. П., Якушенков С. Н.* Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2. С. 74—80.
- Романовский Д. И.* Кавказ и Кавказская война. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1860. 460 с.
- Рыблова М. А.* Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 491 с.
- Тёрнер Ф.* Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
- Толстой Л. Н.* Казаки // Полное собрание сочинений. М.: Терра, 1992. Т. 6. 313 с.
- Участие горянок в Кавказской войне. 2018. URL: <http://caucaswomen.ru/uchastie-goryanok-v-kavkazskoj-vojne/> (дата обращения: 15.12.2020).
- Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 336 с.
- Цыбульникова А. А.* Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII—XIX вв. 2008. URL: <http://slavakubani.ru/geography/neighbors/traditions-neighborliness/rol-zhenshchin-v-protsessakh-mirnogo-vzaimodeystviya-kazakov-i-gortsev-severnogo-kavkaza-v-khviix-xi/> (дата обращения: 25.03.2021).
- Шеуджен Э. А.* Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 2006. Вып. 5. С. 3—15.
- Щербина Ф. А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 1. 750 с.
- Якушенкова О. С.* Женщина на американском фронтире. Астрахань: ИП Сорокин Р. В., 2013. 221 с.
- Якушенкова О. С.* Роль женщины в трансляции культуры на американском фронтире // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 33—37.
- Webb W. P.* The Great Frontier. Austin: University of Texas Press, 1964. 434 p.

References

- Barrett, M. T. (2000) Linii neopredelennosti: severokavkazskii "frontir" Rossii [Lines of uncertainty: the North Caucasian "frontier" of Russia], in: *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period*, Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, pp. 163—195.
- Bentkovskii, I. V. (1889) *Grebenty: Istoricheskoe issledovanie* [Grebenets: Historical research], 2nd ed., Moscow: Russkaia tipolitografiia.
- Blanch, L. (1991) *Sabli raia* [Sabers of paradise], Makhachkala: Iupiter.
- Blaramberg, I. (2005) *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus], Moscow: Nadyrshin.
- Boguslavskii, L. A. (1892) *Istoriia Apsheronского полка, 1700—1892 gg.* [History of the Absheron Regiment, 1700—1892], vol. 1, St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva putei soobshcheniia.
- Butova, E. (1889) Stanitsa Borozdinovskaia [The village of Borozdinovskaya], in: *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemën Kavkaza*, iss. 7, Tiflis: Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga, pp. 3—156.
- Dnevnik russkogo soldata, byvshego desiat' mesiatsev v plenu u chechentsev* (1848) [Diary of a Russian soldier who was held captive by the Chechens for ten months], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Beljaev_S/text1.htm (accessed 27.04.2021).
- Goncharov, Yu. M. (2002) *Zhenshchiny frontira: obraz sibirichki v regional'nom sotsiume serediny XIX — nachala XX v.* [Women of the frontier: the image of a Siberian woman in the regional society of the mid XIX and early XX century], available from <https://zaimka.ru/goncharov-siberians/> (accessed 24.05.2021).
- Iakushenkova, O. S. (2009) Rol' zhenshchiny v transliatsii kul'tury na amerikanskom frontire [The role of women in broadcasting culture on the American frontier], *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 33—37.
- Iakushenkova, O. S. (2013) *Zhenshchina na amerikanskom frontire* [Woman on the American frontier], Astrakhan: Individual'nyi predprinimatel' Sorokin R. V.
- Iz vlechenie iz prikazov po Kavkazskoi armii* (1858) [Extract from orders for the Caucasian army], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/VS/1858_07.htm (accessed 03.04.2021).
- Karaulov, M. A. (1912) *Terskoe kazachestvo v proshlom i nastoiashchem* [Terek Cossacks in the past and present], Vladikavkaz.
- Kaziev, Sh. M. (2001) *Imam Shamil'* [Imam Shamil], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi* (1941) [Chronicle of Muhammad-Tahir al-Karahi], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Maksimov, E. (1893) Chechentsy [Chechens], *Terskii sbornik*, iss. 3, b. 2, Vladikavkaz: Terskii oblastnoi statisticheskii komitet, pp. 3—100.
- Markedonov, S. (2005) Iuzhnyi Kavkaz: mnogougol'nik interesov [South Caucasus: a polygon of interests], *Agentstvo politicheskikh novosteï*, available from <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm> (accessed 10.14.2020).
- Matveev, O. V. (2002) *Vragi, soiuzniki, sosedi: Ètnicheskaiia kartina mira v istoricheskikh predstavleniakh kazakov* [Enemies, allies, neighbors, ethnic picture of the world in the historical views of the Cossacks], Krasnodar.
- Mutieva, O. S. (2006) *Rol' zhenshchiny-kazachki v zhizni naseleniia Nizhnego Tereka v XIX — nachale XX v.* [The role of the Cossack woman in the life of the population of the Nizhny Terek in the XIX and early XX century], Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi universitet.

- Mutieva, O. S. (2015) Zhena-gorianka kak faktor mezhkul'turnoi kommunikatsii na Severnom Kavkaze [The Mountainous Wife as a factor of intercultural communication in the North Caucasus], in: *Kontakty i vzaimodeistviia kul'tur: Sbornik materialov XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii* (Ekaterinburg, 7—10 iulia, 2015), Yekaterinburg, pp. 297—298.
- Mutieva, O. S. (2017) Mezhnatsional'nye braki kak forma mezhétnicheskoi kommunikatsii v period Kavkazskoi voiny [Interethnic marriages as a form of interethnic communication during the Caucasian War], in: *Étnografiia sem'i i pola v XXI veke: traditsii, sovremennye realii, oppozitsiia Svoi/Druгой: Sbornik materialov XII Kongressa antropologov i etnologov Rossii* (Izhevsk, 3—6 iulia, 2017), Izhevsk, p. 278.
- Mutieva, O. S. (2019) Izmeneniia povsednevnosti v protsesse étnokul'turnogo vzaimodeistviia narodov Dagestana i sopredel'nykh étnosov, vtoraiia polovina XIX v. [Changes in everyday life in the process of ethnocultural interaction of the peoples of Dagestan and neighboring ethnic groups in the second half of the XIX century], in: *Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (Groznyĭ, 19 oktiabria, 2019), Grozny, pp. 304—310.
- Mutieva, O. S. (2020) *Povsednevnaia zhizn' dagestanskoĭ zhenshchiny v kontekste Kavkazskoi voiny i sotsiokul'turnykh peremen XIX veka: Dis. ... d-ra ist. nauk* [Everyday life of a Dagestan woman in the context of the Caucasian war and socio-cultural changes in the XIX century: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Narochnitskiĭ, A. A. (ed.) (1988) *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII — 1917god)* [History of the peoples of the North Caucasus (end XVIII — 1917)], Moscow: Nauka.
- Ocherk o kavkazskikh gorskikh plemenakh, s ikh obriadami i obychaiami v grazhdanskom, voinstvennom i domashnem dukhe* (1855) [Essay on the Caucasian mountain tribes, with their rituals and customs in a civil, warlike and domestic spirit], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Svecov_V/text2.htm (accessed 20.04.2021).
- Oleĭnikov, D. I. *Frontir i kolonizatsiia* [Frontier and colonization], available from <https://refdb.ru/look/1734838.html> (accessed 12.05.2020).
- Opisanie grebenskikh kazakov XVIII v.* (1958) [Description of the Greben Cossacks of the XVIII century], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Opis_grebenskich_kazakov/text.htm (accessed 07.15.2021).
- Pallas, P. S. (1999) *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793—1794], Moscow: Nauka.
- Popko, I. D. (1880) *Terskie kazaki so starodavnikh vremĕn* [Terek Cossacks from ancient times], iss. 1, St. Petersburg: Tipografiia Departamenta udelov.
- Potto, A. V. (1899) *Kavkazskaia voĭna* [Caucasian War], vol. 1: Ot drevneishikh vremĕn do Ermolova, available from <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/11.html> (accessed 20.04.2021).
- Pushkareva, N. L. (1998) Istoriia zhenshchin i gendernyi podkhod k analizu proshlogo v kontekste problem sotsial'noi istorii [History of women and gender approach to the analysis of the past in the context of social history problems], in: *Sotsial'naia istoriia*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 69—91.
- Rasina, E. O. (2017) Zhenshchina na nizhnevolzhskom frontire [Woman on the Nizhnevol'sk frontier], *Zhurnal frontirnykh issledovaniĭ*, no. 3, pp. 21—31.
- Romanova, A. P., Iakushenkov, S. N. (2012) Frontirnaia teoriia: novyi podkhod k osmysleniiu sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi situatsii na luge Rossii [The theory of the frontier: a new approach to the understanding of the socio-political and economic situation in the North Caucasus], Moscow: Nauka.

- of frontier: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the South of Russia], *Innovatika i ekspertiza*, iss. 2, pp. 74—80.
- Romanovskii, D. I. (1860) *Kavkaz i Kavkazskaia voĭna* [Caucasus and the Caucasian War], St. Petersburg: Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za”.
- Ryblova, M. A. (2009) *Muzhskie soobshchestva donskikh kazakov kak sotsiokul’turnyĭ fenomen XVI — pervoiĭ treti XIX veka*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Male communities of the Don Cossacks as a socio-cultural phenomenon of the XVI — first third of the XIX century: Diss. (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Shcherbina, F. A. (1910) *Istoriia kubanskogo kazach’ego voĭska* [The history of the Kuban Cossack army], vol. 1, Yekaterinodar: Tipografiia Kubanskogo oblastnogo pravleniia.
- Sheudzhen, È. A. (2006) Zona li frontira Severnyĭ Kavkaz? [Is the frontier zone the North Caucasus?], in: *Voprosy teorii i metodologii istorii*: Sbornik nauchnykh trudov, iss. 5, Maykop: Izdatel’stvo Adygeĭskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tërner, F. (2009) *Frontir v amerikanskoĭ istorii* [A frontier in American history], Moscow: Ves’ mir.
- Tolstoĭ, L. N. (2006) Kazaki [Cossacks], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 6, Moscow: Terra.
- Tsybul’nikova, A. A. (2008) *Rol’ zhenshchin v protsessakh mirnogo vzaimodeĭstviia kazakov i gortsev Severnogo Kavkaza v XVIII—XIX vv.* [The role of women in the processes of peaceful interaction between the Cossacks and the highlanders of the North Caucasus in the XVIII—XIX centuries], available from <http://slavakubani.ru/geography/neighbors/traditions-neighborliness/rol-zhenshchin-v-protsessakh-mirnogo-vzaimodeystviya-kazakov-i-gortsev-severnogo-kavkaza-v-khviix-xi/> (accessed 25.03.2021).
- Uchastie gorianok v Kavkazskoĭ voĭne* (2018) [Participation of mountain women in the Caucasian War], available from <http://caucaswomen.ru/uchastie-goryanok-v-kavkazskoj-vojne/> (accessed 15.12.2020).
- Vekhi edinstva: K 200-letiiu dobrovol’nogo vkhozheniia Checheno-Ingushetii v sostav Rossii* (1982) [Milestones of unity: To the 200th anniversary of the voluntary entry of Chechen-Ingushetia into Russia], Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel’stvo.
- Zeleneva, I. V. (2005) *Geopolitika i geostrategiia Rossii XVIII — pervoiĭ poloviny XIX veka* [Geopolitics and geostrategy of Russia in the XVIII — first half of the XIX century], St. Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Статья поступила в редакцию 29.11.2020; одобрена после рецензирования 02.05.2021; принята к публикации 03.09.2021.

The article was submitted 29.11.2020; approved after reviewing 02.05.2021; accepted for publication 03.09.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Газиева Абидат Абдулаевна — младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия, gazieva.abidat@mail.ru (Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation).